

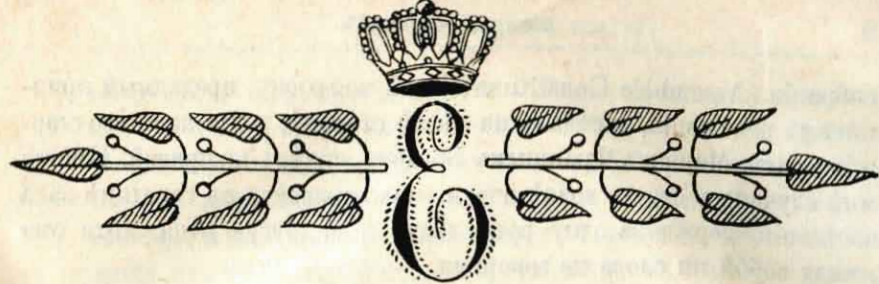

ПРИНЦЪ ЕВГЕНІЙ БОГАРНЕ,
ВИЦЕ-КОРОЛЬ ИТАЛИИ

ОЦИФРОВАНО
РЕДАКЦИЕЙ ЖУРНАЛА
«ВОЕННЫЙ СБОРНИК»

Прилагаемый портретъ принца Евенія Бонапарте воспроизведенъ съ оригинала, написаннаго извѣстнымъ баварскимъ художникомъ Альбрехтомъ Адамомъ (1786—1862 и.), который сопровождалъ принца въ его походахъ въ 1809 и 1812 и. Этимъ же художникомъ написанъ рядъ картинъ, изображающихъ боевые эпизоды изъ походовъ, въ которыхъ онъ участвовалъ съ принцемъ Евеніемъ. Помимо своихъ художественныхъ достоинствъ, картины эти интересны и цѣнны въ томъ отношеніи, что художникъ обрабатывалъ ихъ по наброскамъ, сдѣланнымъ на самыхъ мѣстахъ дѣйствій, на поляхъ сраженій, на бивакахъ и проч. Такимъ образомъ, онъ, какъ свидѣтельство очевидца, являются въ нѣкоторомъ родѣ историческими документами къ исторіи упомянутыхъ походовъ.

Часть означенныхъ картинъ, изъ числа хранящихся въ галереѣ герцога Г. Н. Лейхтенбергскаго въ замкѣ Сееонъ (Верхняя Баварія), будетъ также воспроизведена въ послѣдующихъ книжкахъ «Военнаго Сборника».

ПРИНЦЪ ЕВГЕНІЙ БОГАРНЕ.

Вице-король Италіи 1781—1824 гг.

Я, говоритъ принцъ Евгеній въ части своей автобіографіи, продиктованной имъ въ 1822 году, родился въ Парижѣ 3-го сентября 1781 года. Мой отецъ былъ Виконтъ Александръ Богарне. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ уже обращалъ на себя вниманіе какъ прелестями своего ума и наружности, такъ и своими достоинствами и своей любезностью. Поступивъ очень молодымъ на военную службу, онъ имѣлъ случай выдѣлиться. Мать моя, Жозефина Ташеръ-де-ла-Пажери, родилась на островѣ Мартиникѣ. Семейства ея и моего отца были дружны съ давнихъ поръ: мой дѣдъ, начальникъ королевской морской эскадры, былъ когда то губернаторомъ Антильскихъ острововъ; матери моей едва минуло 14 лѣтъ когда она вышла замужъ за Виконта Богарне; подобные ранніе браки не рѣдкость среди креолокъ, которыя бракоспособны гораздо ранѣе европейекъ.

Ребенкомъ еще, меня помѣстили съ гувернеромъ въ college d'Harcourt, гдѣ я и оставался до тѣхъ поръ, пока это заведеніе не было закрыто вслѣдствіе событій революціи. Мнѣ помнится, что это случилось около 14-го іюля 1790 года ¹⁾. Хотя я въ то время былъ еще очень юнъ и съ тѣхъ поръ прошло 34 года, но въ моей памяти еще свѣжи всѣ приготовления къ федераціи на Марсовомъ полѣ, роскошь этого праздника и всеобщая экзальтація этой эпохи... Помню также, что я присутствовалъ на нѣсколькихъ засѣданіяхъ учредительнаго

¹⁾ Все числа въ настоящей статьѣ проставлены по новому стилю

собрания (Assemblée Constituante), гдѣ мой отецъ, преданный принципамъ революціи, засѣдалъ на лѣвой сторонѣ, тогда какъ его старшій братъ, Маркизъ Францискъ Богарне, сидѣлъ на правой. Иногда мнѣ случалось стоять возлѣ печки, находившейся въ серединѣ зала засѣданій, держа за одну руку дядю, а за другую отца, хотя они между собой ни слова не говорили.

Когда была объявлена война, мой отецъ отправился въ армію, а мы переехали въ Фонтенебло, гдѣ мой дѣдъ, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, проживалъ въ уединеніи и тишинѣ. Воспитаніе мое порядочно отстало и, не смотря на старанья моего дѣда пополнить мое образованіе, въ немъ оказалось не мало новыхъ пробѣловъ, вслѣдствіе болѣзней глазъ, продолжавшейся довольно долго.

Когда Людовикъ XVI выѣхалъ изъ Парижа и, казалось, покинулъ Францію на произволъ судьбы, мой отецъ былъ предсѣдателемъ учредительнаго собранія; мы же, во время этого замѣчательнаго происшествія, еще жили въ Фонтенебло, гдѣ и узнали все подробности. Положеніе моего отца привлекло и на насъ общественное вниманіе; дѣйствительно, вслѣдствіе отсутствія королевскаго правительства, онъ, какъ предсѣдатель учредительнаго собранія, оказался первымъ лицомъ во Франціи и я помню, какъ на улицахъ Фонтенебло указывали на меня, говоря: «вотъ Дофинъ»...

Отецъ мой, послѣ отъѣзда генерала Кюстина, командовавшаго Рейнской арміей, но во время террора, оставилъ ее и удалился въ свои помѣстья; но жестокая партія, опустошавшая Францію, не на долго оставила его въ покоѣ и я вернулся въ Парижъ, чтобы пережить самое большое горе всей моей жизни: отецъ и мать мои были оба, послѣдовательно, заключены въ тюрьму и за четыре дня до паденія Робеспьера, т. е. 5 термидора III года, мой отецъ лишился жизни на эшафотѣ. Онъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова тѣмъ, что тогда называли «конституціонный патриотъ»: онъ съ жаромъ отдался принципамъ, провозглашеннымъ революціей, потому, что хорошо зналъ злоупотребленія, которыя подали къ ней поводъ. Онъ погибъ, какъ нѣкоторая часть достойныхъ людей Франціи, жертвой своей преданности принципамъ, отъ которыхъ столько честныхъ людей ожидали для Франціи счастья и незапятнанной славы. Послѣднимъ его желаніемъ было, чтобы порядокъ и справедливость были восстановлены на его родинѣ и чтобы память о немъ и о многочисленныхъ славныхъ жертвахъ этой эпохи была обѣлепа. Исторія взяла на себя исполненіе послѣдней части этого его послѣдняго желанія.

Моя мать получила свободу лишь нѣкоторое время спустя... И

въ то время былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы вполне оцѣнить несчастія моей родины. но я глубоко ощущалъ испытанную потерю. Вслѣдствіе опредѣленія правительства, обязывавшаго дѣтей дворянъ изучать какое-нибудь ремесло, меня помѣстили подмастерьемъ къ столяру, а мою сестру Гортензію къ портнихѣ. Оттуда я вышелъ лишь для того, чтобы состоять при генералѣ Гошѣ, которому мой отецъ поручилъ меня незадолго до своей смерти. Въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ я несъ при немъ службу ординарца во время его командованія арміей Шербургскаго побережья, а впослѣдствіи и западной арміей, и тутъ впервые началъ знакомиться съ жизнью солдата; учитель былъ строгій, но школа его, хотя и тяжелая, не оказалась отъ этого худшей.

Незадолго до дѣла при мысѣ Киберонѣ, генералъ Говъ отправилъ меня къ моей матери, пожелавшей меня видѣть. Въ слѣдующемъ году произошло событіе, имѣвшее громадное вліяніе на мою послѣдующую жизнь: моя мать начала думать о вступленіи во второй бракъ съ генераломъ Бонапартомъ, который въ то время командовалъ въ Парижѣ и судьбы котораго наполняютъ столько славныхъ страницъ исторіи. Тогда онъ еще не пользовался той репутацией, которую заслужилъ вскорѣ и которая дала ему прозвище «героя Италіи». Я самъ послужилъ поводомъ къ первому свиданью его съ моей матерью: по случаю 13 Вандемьера, былъ изданъ законъ, запрещавшій жителямъ Парижа, подъ страхомъ смерти, имѣть у себя оружіе. Я никакъ не могъ привыкнуть къ мысли, что мнѣ придется разстаться съ саблей, которую носилъ мой отецъ и которую онъ прославилъ блестящей и честной службой. Я надѣялся получить разрѣшеніе сохранить эту саблю и началъ хлопотать въ этомъ духѣ у генерала Бонапарта. Свиданье, котораго онъ меня удостоилъ, было очень трогательно, такъ какъ пробудило во мнѣ воспоминаніе о жестокой потерѣ, мною еще такъ недавно испытанной. Моя чувствительность и нѣсколько удачныхъ отвѣтовъ возбудили въ немъ желаніе познакомиться съ моимъ семействомъ и на другой день онъ самъ пригласилъ мнѣ разрѣшеніе, столь страстно мною желанное. Мать моя благодарила его любезно и съ чувствомъ. Онъ просилъ разрѣшенія насъ навѣщать и, казалось, испытывалъ все большее и большее удовольствіе въ обществѣ моей матери.

Я долженъ сказать, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мы замѣтили, что генералъ Бонапартъ имѣетъ намѣреніе жениться на нашей матери, а весь ореолъ славы, впослѣдствіи окружавшій Наполеона, тогда еще генерала Бонапарта, не смогъ изгладить изъ моей памяти

воспоминанія объ огорченіи, которое я испыталъ, когда убѣдился, что моя мать рѣшила связать себя новыми брачными узами; мнѣ казалось, что бракъ, съ кѣмъ бы то ни было, былъ святотатствомъ, посягательствомъ на память моего отца.

Ставши своимъ человекомъ въ нашемъ домѣ, генераль Бонапартъ принималъ живое участіе во всемъ, что къ нему происходило и не пренебрегалъ съ особеннымъ стараніемъ заиматься воспитаніемъ двухъ дѣтей, на матери которыхъ онъ собирался жениться; по, зная, что сестра и я не особенно сочувствуемъ новому браку матери, насъ помѣстили въ два пансіона въ С.-Жерменѣ, подъ предлогомъ необходимости намъ обоимъ окончить наше образованіе.

Вскорѣ мы узнали и о совершившемся бракѣ нашей матери съ генераломъ Бонапартомъ и о назначеніи его начальникомъ арміи въ Италиі, и, наконецъ, о близкомъ отъѣздѣ матери встѣдъ мужу.

Все эти извѣстія были бы мнѣ не особенно пріятны, если бы, увѣжая въ Италию, генераль Бонапартъ не оставилъ мнѣ надежды на весьма местное утѣшеніе: именно, онъ обѣщалъ вызвать меня къ себѣ какъ только старательной и усидчивой работой я наверстаю потерянное, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, время. Я съ новымъ жаромъ принялся за занятія, чтобы получить обѣщанную награду, такъ какъ съ ранняго дѣтства у меня опредѣленно выразилось призваніе къ военному ремеслу. Въ теченіе 15-ти мѣсяцевъ, проведенныхъ мною въ С.-Жерменѣ, я особенно усидчиво занимался математикой, исторіей, топографіей и англійскимъ языкомъ, и, наконецъ, къ неописуемой радости узналъ, что скоро получу награду за мои старанія и усидчивость. Дѣйствительно, вмѣстѣ съ приказаніемъ прибыть къ Итальянской арміи, я получилъ и патентъ на чинъ корнета въ 1-мъ гусарскомъ полку... Мнѣ тогда было 15 лѣтъ.

Вскорѣ по моемъ прибытіи въ Италию, ген. Бонапарту угодно было взять меня къ себѣ въ качествѣ адъютанта, дабы имѣть возможность лично руководить моими первыми шагами по пути славы и чести, на которомъ онъ самъ выступилъ столь блестящимъ образомъ.

Миръ въ Кампо-Форміо былъ подписанъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ моего приѣзда; во время переговоровъ мнѣ было поручено произвести нѣсколько рекогносцировокъ и съемокъ мѣстности, какъ на рѣкѣ Изонцо, такъ и въ горахъ, отдѣляющихъ р. Драну отъ р. Тальяменто. Затѣмъ меня отправили съ дипломатической миссіей къ правительству Іонійскихъ острововъ, признанныхъ по-

вымъ договоромъ подъ названіемъ республики 7-ми острововъ, для чего я отплылъ на бригѣ «Алертъ» на островъ Корфу...

Возвратившись изъ Корфу около 20-го мая 1798 г., я вмѣстѣ съ ген. Бонапартомъ отправился съ флотомъ въ Египетскую экспедицію. 11-го іюня флотъ прибылъ къ о. Мальтѣ и при обитіи вылазки гарнизона крѣпости «было взято пять знаменъ, изъ которыхъ одно посчастливилось отбить мнѣ».

13-го іюня крѣпость сдалась на капитуляцію и флотъ поплылъ дальше, а 2-го іюля увидѣлъ песчаные берега Египта. «Высадились поздно вечеромъ», говоритъ Евгений, «при сильнѣйшемъ волненіи. Я никогда не забуду этой ночи, когда мнѣ пришлось нести мою адъютантскую службу совершенно новымъ образомъ, а именно: передавать приказанія на разные суда въ маленькой лодчонкѣ, рискуя ежеминутно или быть потопленнымъ волнами или быть раздавленнымъ между большими судами».

Затѣмъ послѣдовало взятіе приступомъ города Александрии и походъ на Каиръ черезъ пустыню. «Въ сраженіи при пирамидахъ», пишетъ Евгений, «служба адъютантовъ и ординарцевъ была не безопасна: французскія дивизіи составляли каждая отдѣльное карре, а такъ какъ массы эти были эшелонированы на разстояніи пушечнаго выстрѣла одна отъ другой, то конница непріятеля постоянно заполняла эти интервалы, такъ что, передавая приказанія, можно было легко одновременно попасть подъ саблю мамелюка и подъ французскую пулю».

Во время пребыванія французовъ въ Каирѣ, Евгению неоднократно давались отдѣльные порученія; затѣмъ въ февралѣ онъ участвовалъ въ Сирійскомъ походѣ, при взятіи Яффы и при осадѣ Saint-Jean d'Acre гдѣ, при первомъ же штурмѣ укрѣпленій былъ раненъ осколкомъ бомбы въ голову. Какъ извѣстно, осада этой крѣпости усидчива не имѣла и французская армія, опустошаемая чумой, была принуждена вернуться обратно въ Египетъ.

Когда ген. Бонапартъ рѣшился оставить Египетскую армію и возвратиться во Францію вслѣдствіе сложившихся тамъ политическихъ обстоятельствъ, то вмѣстѣ съ нимъ вернулся и Евгений.

«Послѣ 18-го Брюмера и учрежденія консульства», говоритъ онъ, «адъютантская служба стала для меня скучной; я всегда носъ строевую службу и страстно любилъ военное дѣло, а тутъ приходилось сидѣть въ передней и исполнять обязанности канцелярскаго чиновника. Меня это тяготило и я старался избавиться отъ этихъ обязанностей. Учрежденіе консульской гвардіи скоро дало мнѣ слу-

чай выйти изъ этого положенія. Я просилъ ген. Бонапарта опредѣлить меня въ эту гвардію, откровенно объяснивъ ему причины, побудившія меня принести ему эту просьбу и не скрывая моего отвращенія къ тогдашней адъютантской службѣ. Онъ нисколько не разсердился, а, напротивъ, одобрилъ мое рѣшеніе и чувства, къ нему приведшія, и, съ чиномъ капитана, назначилъ меня командиромъ роты гвардейскихъ конныхъ егерей. Лучшаго я не могъ и желать, и съ любовью и жаромъ принялся за изученіе моихъ новыхъ обязанностей».

Во время Итальянской кампаніи 1800 г. Евгенийъ со своей ротой участвовалъ въ дѣлахъ подъ Миланомъ и въ сраженіи при Маренго. Въ этотъ день, подъ вечеръ, гвардейская кавалерія произвела блестящую атаку на конницу австрійцевъ: «Свалка продолжалась минутъ 10», говоритъ Евгенийъ, «и я счастливо отдѣлался лишь двумя сабельными ударами по вальтрапу моей лошади. На другой день, получивъ рапортъ объ этомъ дѣлѣ, первый консулъ произвелъ меня въ майоры (*chef d'escadrons*)».

15-го іюня было заключено перемиріе, а 28-го іюня Евгенийъ получилъ приказъ слѣдовать со своей ротой въ Парижъ, эскортируя взятый въ бою при Маренго знамена.

Съ 1801 по 1804 гг. Евгенийъ старается совершенствоваться въ военномъ искусствѣ чтеніемъ, разговорами съ выдающимися офицерами, изученіемъ всѣхъ подробностей военной службы. Произведенный въ полковники въ 1802 г., онъ неоднократно путешествуетъ вмѣстѣ съ первымъ консуломъ и эти путешествія значительно пополняютъ его образованіе; часто первый консулъ поручаетъ ему инспектировать войска, а на большихъ маневрахъ подъ Майнцомъ, въ присутствіи нѣмецкихъ принцевъ и генераловъ, онъ самостоятельно командуетъ большимъ кавалерійскимъ корпусомъ и скоро получаетъ (въ 1804 г.) чинъ бригаднаго генерала.

По поводу убійства герцога Энгіенскаго Евгенийъ говоритъ: «Съ тѣхъ поръ прошло 20 лѣтъ, но я отлично помню, что многія лица, которыя теперь стараются облить себя отъ участія въ этомъ дѣлѣ, тогда хвастались этимъ участіемъ, какъ подвигомъ и громко одобряли этотъ поступокъ. Что касается меня, то я былъ очень огорченъ имъ вслѣдствіе моего уваженія и привязанности къ первому консулу; мнѣ казалось, что онъ этимъ поступкомъ запятналъ свою славу».

Настала имперія. Генераль Бонапартъ сталъ императоромъ Наполеономъ. Для поддержанія своего престижа онъ завелъ придворный штатъ и потребовалъ отъ всѣхъ строгаго исполненія правилъ

придворнаго этикета. Тогда же онъ, черезъ императрицу Жозефину, предложилъ Евгенію занять должность оберъ-церемоніймейстера, «но, говоритъ Евгенийъ, я отказался отъ этой чести на томъ основаніи, что должность эта не соответствовала, ни моимъ вкусамъ, ни моему характеру: мое призваніе было чисто военное и до тѣхъ поръ я не зналъ другого ремесла. Долженъ, однако, сознаться, что если бы императоръ предложилъ мнѣ должность оберъ-питамейстера, то я можетъ быть ее и принялъ бы, потому что тамъ были лошади, которыхъ я былъ страстнымъ любителемъ, и пѣчто вродѣ полка».

Наконецъ, незадолго до коронаціи, я былъ назначенъ *colonel-général de l'arme des chasseurs*; это назначеніе очень меня обрадовало, такъ какъ давая мнѣ столь почетное званіе, императоръ все же оставлялъ меня въ моей сферѣ дѣятельности.

Скоро послѣ коронаціи я получилъ приказаніе отправиться въ Италію съ частью императорской гвардіи, которою я долженъ былъ командовать; на пути возлѣ Ліона, меня нагналъ курьеръ съ извѣщеніемъ, что мнѣ былъ пожалованъ титулъ французскаго принца (*Prince Français*) и констинѣ я долженъ сказать, что это высокое положеніе, данное мнѣ фортуной ни на минуту не возбудило во мнѣ чувства гордости или упоенія. Я продолжалъ жить съ моими войсками и моими офицерами по прежнему, не измѣняя ни моихъ привычекъ, ни обращенія. Я получилъ массу поздравительныхъ посланій, наполненныхъ лестью и увѣреніями въ преданности, которыя я оцѣнилъ по достоинству, какъ бы предчувствуя то, въ чемъ опытъ такъ полно убѣдилъ меня впоследствии. Одно только тронуло меня въ этомъ случаѣ: — это были выраженія посланія императора къ сенату, въ которомъ онъ увѣдомлялъ это учрежденіе о моемъ новомъ титулѣ.

Эти публичные знаки довѣрія и уваженія великаго человѣка, главы націи, передъ лицомъ перваго въ имперіи правительственнаго установленія, показали мнѣ значительно болѣе лестными чѣмъ всѣ титулы и достоинства, которыми я былъ обязанъ, вѣроятно, лишь моими случайными отношеніями къ нему¹⁾».

¹⁾ Вотъ это посланіе сенату, написанное въ то время и такимъ человекомъ каковъ былъ Наполеонъ; одной этой странички было бы достаточно въ жизни любого лица, чтобы его прославить.

«Сенаторы!»

«Мы назначили нашего зятя, Евгенія Богарие, первымъ государственнымъ канцлеромъ Имперіи (*Archichancelier d'Etat de l'Empire*). Изъ всѣхъ дѣйствій нашей власти, нѣтъ болѣе пріятнаго нашему сердцу».

На этой эпохѣ оканчивается часть мемуаровъ, продиктованныхъ лично прицѣмъ Евгеніемъ. Мы немного подробно остановились на ней, такъ какъ она составляетъ наименѣе известную часть жизни принца Евгенія, но, какъ выраженіе его личныхъ впечатлѣній и чувствъ и изложеніе обстоятельствъ, повліявшихъ на его воспитаніе, весьма полезна при оцѣнкѣ всѣхъ послѣдующихъ его дѣяній.

Въ началѣ 1805 г. республика итальянская была преобразована въ королевство; Наполеонъ принялъ титулъ короля Италіи и короновался въ Миланѣ желѣзной короной королей Ломбардскихъ, причемъ самъ взявъ ее, надѣлъ на себя, говоря: «Богъ мнѣ ее далъ—горе тому, кто ее тронетъ!» Это было 23-го мая 1805 г., а декретомъ 7-го іюня, принцъ Евгеній былъ возведенъ въ санъ вице-короля Италіи и принесъ присягу. Вскорѣ затѣмъ Наполеонъ, посѣтивъ нѣкоторые города, въ томъ числѣ и Венецію, уѣхалъ обратно въ Парижъ.

II.

Евгенію Богарне, еще неусыновленному императоромъ Наполеономъ, едва минуло 24 года, когда онъ обаялся во главѣ королевства итальянскаго.

Хотя въ суровыхъ египетскихъ и итальянскихъ походахъ онъ и выказалъ военныя способности, храбрость, умъ и тактъ, но это еще не могло быть залогомъ того, что онъ скоро сѣмьѣтъ выработать въ себѣ таланты, необходимые, чтобы управлять народомъ вообще и націей, составленной изъ столь разнородныхъ элементовъ какъ тогдашнее королевство итальянское, въ особенности.

«Съ самаго дѣтства воспитанный нашими стараніями и на нашихъ глазахъ, онъ сталъ достойнымъ слѣдовать и, съ Божьей помощію, во временахъ даже превзойти примѣры и уровни нами ему преподанные.»

«Несмотря на его молодость, мы, съ сего дня, считаемъ его, вслѣдствіе испытаній, которымъ мы его подвергали въ самыхъ серьезныхъ обстоятельствахъ, за опору нашего трона и за одного изъ самыхъ способныхъ защитниковъ отечества.»

«Среди заботъ и горестей, неразрывныхъ съ высокимъ постолѣмъ, нами занимаемымъ, наше сердце нашло отраду и утѣшеніе въ извѣстности и постоянной дружбѣ этого нашего пріемнаго сына.—утѣшеніе, несомненно необходимое каждому человеку, но особенно намъ, чьи всѣ мгновенія посвящены дѣланію народовъ.»

«Наше отеческое благоволеніе будетъ сопровождать сего новаго князя во всей его жизни и покровительствуемый Промысломъ, онъ нѣкогда заслужитъ одобреніе потомковъ.»

Данъ во дворцѣ Тюильри. 13 Января XIII года. (2-го февраля 1805 г.).

Онъ ревностно припаялся за свою администраторскую дѣятельность, ободряемый и руководимый, особенно на первыхъ порахъ, самимъ Наполеономъ.

Приходилось формировать всѣ учрежденія для различныхъ отраслей управленія страной; создать итальянскую армію съ кадрами для будущей гвардіи; необходимую для внутреннего порядка полицію; построить финансовый бюджетъ такимъ образомъ, чтобы расходы соответствовали доходамъ; предпринять различныя работы для общественной пользы, какъ-то: проведеніе каналовъ, дорогъ, укрѣпленіе береговъ рѣкъ и т. п.

Во всѣхъ этихъ дѣлахъ, какъ и въ своихъ отношеніяхъ къ политическимъ партіямъ въ странѣ, вице-король достигалъ успѣха не только благодаря строгому, но разумному исполненію предначертаній императора, но также и благодаря врожденному такту и обходительности.

Когда осенью 1805 г. должны были начаться военныя дѣйствія противъ Австріи, принцъ Евгеній сильно надѣялся, что императоръ призоветъ его въ великую армію и даже письменно намекалъ на это свое желаніе. Однако, Наполеонъ считалъ его болѣе полезнымъ на посту вице-короля, и даже командованіе французской арміей въ Италіи поручилъ не ему, а маршалу Массенѣ.

Армія этой, послѣ удачнаго дѣла при Кальдіеро, пришлось лишь идти по пятамъ австрійской арміи, которая, вслѣдствіе плѣбленія австрійской арміи Макка въ Ульмѣ, была необходима для защиты Вѣны и поспѣшно отступала: поэтому мы не упоминаемъ здѣсь о многочисленныхъ мелкихъ дѣлахъ этой эпохи, тѣмъ болѣе, что лично принцъ Евгеній никакого участія въ нихъ не принималъ. Зато, когда въ Неаполѣ внезапно высадился англо-русскій десантный отрядъ, то вице-король принялъ столь энергичныя мѣры, что въ скоромъ времени онъ могъ располагать маленькой резервной арміей, съ которой и надѣялся въ ближайшемъ будущемъ начать военныя дѣйствія. Но судьба рѣшила иначе: послѣ Аустерлица, 6-го декабря было заключено перемиріе, и вице-король опять долженъ былъ разочароваться въ своихъ боевыхъ надеждахъ. За то онъ былъ очень обрадованъ извѣстіемъ о назначеніи его главнокомандующимъ всеми войсками въ Италіи, о производствѣ его въ чинъ дивизионнаго генерала, о присоединеніи къ королевству итальянскому Венеціанской провинціи, принадлежавшей Австріи и, наконецъ, о подписаніи Пресбургскаго мирнаго договора, которымъ курфюршества Баварское и Вюртембергское были возведены въ королевства, причемъ

первое получало Тироль и становилось такимъ образомъ сосѣдомъ итальянскаго королевства.

Наполеонъ стремился къ укрѣпленію дружественныхъ отношеній двухъ новыхъ сосѣдей, соединеніемъ ихъ политическихъ интересовъ, и зная, что дочь короля Баварскаго обладаетъ красотой и многими другими прекрасными качествами, просить ея руки для принца Евгенія. Принцесса Августа (такъ звали ее) была въ то время помолвлена съ двоюроднымъ братомъ своимъ, принцемъ Карломъ Баденскимъ ¹⁾, но трудно было противиться желаніямъ императора Наполеона! Принцесса подчинила свое сердце требованіямъ политики, нисколько не подозревая, что, думая принести жертву, она была на пути къ счастью всей своей жизни.

Между тѣмъ какъ происходили переговоры, главное заинтересованное лицо, принцъ Евгенийъ, былъ въ Миланѣ, ничего еще не зная. Онъ узналъ о своемъ собственномъ бракѣ лишь изъ короткаго письма императора изъ Мюнхена отъ 31-го декабря 1805 года.

«Mon Cousin», писалъ императоръ, «я пріѣхалъ въ Мюнхенъ. Я устроилъ вашъ бракъ съ принцессой Августою; онъ официально опубликованъ. Сегодня утромъ эта принцесса была у меня и я долго съ ней бесѣдовалъ. Она очень красива. Вы найдете ея портретъ на прилагаемой чашкѣ, но она гораздо лучше въ дѣйствительности». Такъ-то поступалъ этотъ удивительный человѣкъ со своими родственниками; одному онъ писалъ: я васъ женилъ, другому—я сдѣлалъ васъ королемъ и т. п.

Получивъ это письмо, принцъ Евгенийъ немедленно поскакалъ въ Мюнхенъ, гдѣ 14-го января 1806 г. было совершено бракосочетаніе. Два дня спустя Наполеонъ усыновилъ Евгенія, съ титуломъ Евгенія-Наполеона французскаго, и далъ ему понять, что, со временемъ, онъ можетъ получить наследственно корону Италіи. Съ этого дня императоръ въ письмахъ называетъ вице-короля не «mon cousin», а «mon fils».

Въ началѣ своего правленія, вице-король былъ еще неопытенъ въ дѣлахъ внутренней политики и императоръ поддерживалъ его своими совѣтами, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ уже приобрѣлъ необходимую привычку къ дѣламъ, и мы скоро увидимъ его самостоятельно дѣйствующимъ на поприщѣ управления государствомъ къ полному удовольствію императора. Онъ такъ ревностно отдавался

¹⁾ Впоследствии Наполеонъ женилъ его на своей пріемной дочери Стефаніи Богарне, двоюродной сестрѣ Евгенія и Гортензій.

обязанностямъ и трудамъ своего сана, что эти усиленные занятія могли бы со временемъ поколебать его здоровье. Замѣтивъ это, Наполеонъ пишетъ ему ласковое письмо, совѣтуя ему побольше развлекаться, между прочимъ, охотой, для чего и присылалъ ему нѣсколько ружей.

Въ кампаніяхъ 1806—1807 гг. вице-король, несмотря на свое пламенное желаніе, участія не принималъ; за то онъ тѣмъ старательнѣе занимался подготовкой итальянской арміи, стремясь довести ее до одного уровня съ французской, устройствомъ обороны границъ и постепеннымъ созданіемъ въ Венеціи военной флотиліи.

Въ семейномъ отношеніи принцъ Евгенийъ пользовался безоблачнымъ счастіемъ. Принцесса Августа обладала весьма приятнымъ характеромъ: добрая, воспитанная въ патриархальныхъ обычаяхъ семейства короля Максимилиана, она вскорѣ стала любимицей ломбардскаго народонаселенія.

Миланъ, новая столица, быстро украшался и расцвѣталъ въ покровительствующихъ рукахъ своихъ монарховъ, къ блестящему двору которыхъ, управляемому строгимъ, но не смѣшнымъ этикетомъ, одинаково имѣли доступъ представители духовенства, дворянства и юстиціи, высшей промышленности, финансовъ и науки.

14-го марта 1807 г. родилась первая дочь принца Евгенія, Жозефина ¹⁾, а осенью того же года императоръ посѣтилъ свое итальянское королевство и, среди празднествъ и блестящихъ пріемовъ, подробно ознакомился съ результатами дѣятельности вице-короля, которыми искренно остался доволенъ. Въ декабрѣ онъ былъ въ Венеціи, гдѣ издалъ нѣсколько указовъ, между прочимъ о признаніи принца Евгенія наследникомъ итальянскаго престола, на случай, если у императора не будетъ прямыхъ потомковъ, съ присвоеніемъ ему титула принца венеціанскаго.

Въ это же время на Пиренейскомъ полуостровѣ вспыхнула война;—борьба, вскорѣ потребовавшая сильнаго напряженія военныхъ средствъ Франціи. При этихъ обстоятельствахъ трудно было ожидать, что Австрія не воспользуется затрудненіями Наполеона и не попытается еще разъ вернуть въ Европѣ утерянное главенство имперіи германской, а въ Италіи плодородныя, богатыя провинціи. И дѣйствительно, она дѣятельно начала готовить свои южныя границы къ оборонѣ со стороны Италіи и сосредоточивать необходимые для вторженія въ нее войска.

¹⁾ Впоследствии королева шведская.

Эта дѣятельность, хотя и тайная, не ускользнула отъ бдительнаго глаза вице-короля: рапортъ за рапортомъ и письмо за письмомъ летятъ къ императору съ подробнымъ изложеніемъ положенія вещей и просьбами о разрѣшеніи припять мѣры по вооруженію крѣпостей, сосредоточенію войскъ и проч. Но Наполеонъ, желая, въ видахъ политики, предоставить Австріи невыгодную роль начинающаго, а отчасти, можетъ быть и не вполне довѣряя донесеніямъ вице-короля, котораго страстное желаніе воевать онъ хорошо знаетъ, категорически запрещаетъ ему предпринимать малѣйшее новое передвиженіе войскъ, которое могло бы подать Австріи поводъ объявить войну, такъ что ему оставалось лишь записаться внутреннимъ благоустройствомъ, снабженіемъ и организаціей своей арміи. А между тѣмъ невыгодность разбросанности силъ ея, которую, за категорическими приказаніями императора, измѣнить уже было нельзя, не замедлила сказаться и привела въ первомъ же серьезномъ дѣлѣ, при Сачиле, къ неудачѣ. Правда, впрочемъ, что неудача эта, если и была для приица Евгенія первой, то осталась и послѣдней.

Ко дню начала австрійцами военныхъ дѣйствій 10-го апрѣля 1809 года составъ и положеніе обѣихъ враждующихъ армій на итальянскомъ театрѣ были слѣдующіе.

Австрійская армія, подъ общимъ начальствомъ эрцгерцога Іоанна, имѣла главную квартиру въ Грацѣ и состояла изъ 8-го корпуса генерала Гюлая (Александра) — 19,000 пѣхоты и 2,000 кавалеріи; 9-го корпуса генерала Гюлая (Игнатія) — 16,000 пѣхоты и 4,000 кавалеріи; Авангарднаго корпуса генерала Гавассини — 18,000 пѣхоты; Тирольскаго корпуса генерала Шастелера — 20,000 пѣхоты; Далматскаго корпуса генерала Стойхевича — 12,000 пѣхоты, 150 конницы; Резервнаго корпуса ландвера, генерала Цаха — 2,000 чел., а всего около 106,000 чел. пѣхоты и 6,000—7,000 конницы, съ соотвѣтствующей полевой артилеріей.

Франко-итальянская армія, недавно подраздѣленная на дивизіи, подъ общимъ начальствомъ вице-короля, состояла изъ: дивизіи Сераса — 8,400 пѣх.; дивизіи Брусье — 8,400 пѣх. 125 кон.; дивизіи легкой конницы Сагока — 2,000 коней; дивизіи Гренье — 9,000 пѣх. 125 кон.; дивизіи Ламарка — 8,400 пѣх.; дивизіи Барбу — 11,200 пѣх. Итальянскихъ дивизій — Североли — 7,000 пѣх. 125 кон. и Фонтанелли — 7,700 пѣх. 250 кон.; итальянской королевской гвардіи — 3,000 пѣх. 450 кон. 1-й драгунской дивизіи Груши — 1,500 кон. и 2-й — Пиолли — 1,400 кон. а всего около 63,000 пѣх. и 6,000 кон. Большому артилерійскому парку въ Веронѣ не хватало запряжекъ.

Въ Далмаціи, кромѣ того, еще находился подъ начальствомъ Мармона отдѣльный отрядъ въ 10,000 пѣх. и 300 коней.

Австрійцы исподоволь сосредоточивали свои войска на границѣ; вице-король же, распоряженіемъ императора былъ лишенъ возможности сдѣлать то же, и войска его оставались разбросанными.

Въ первой линіи стояли лишь дивизіи Сераса — между Удине и Пальмановой, и Брусье — между Санъ-Даніеле и Венцоне; дивизія Сагока по верхнему Тальяменто и впереди фронта была одна въ соприкосновеніи съ противникомъ.

Во второй линіи эшелонировались дивизіи: Гренье, въ Сачиле, Конельяно и Порденоне; Ламарка близъ Вероны; Барбу — между Бассано и Леняго; пять баталіоновъ на пути изъ Неаполя; дивизія Североли въ Эсте; Фонтанелли въ лагерѣ Монтекияро; гвардія — въ Миланѣ и Падуѣ; драгуны Груши между Мантуей и Вероной; кавалерія Пиолли — въ Феррарѣ и Ровиго.

Изъ переписки между Наполеономъ и вице-королемъ въ теченіи первыхъ трехъ мѣсяцевъ 1809 года явствуетъ, что первый все еще не ожидалъ столь быстраго перехода въ наступленіе со стороны противника, а второй не ошибался, предвидя это движеніе и прося разрѣшеніе сдѣлать распоряженія для сосредоточенія своихъ силъ.

Не считая возможнымъ, съ незначительными силами первой линіи успѣшно противиться вторженію, вице-король приказалъ дивизіямъ Сераса и Брусье отойти на линію р. Тальяменто, а всѣмъ остальнымъ войскамъ королевства слѣзнуть форсированными маршами къ этой рѣкѣ. Однако, на ней ему удержаться не удалось и онъ отступилъ къ р. Ливенци: здѣсь возлѣ Сачиле, у него собралось пять дивизій. Одно время, видя превосходство силъ австрійцевъ, вице-король думалъ было перейти на правый берегъ Ливенци, но, вслѣдствіе близости противника, ему эта операція показалась рискованной, и онъ рѣшилъ внезапно атаковать его, рассчитывая ошеломить его энергичнымъ и неожиданнымъ переходомъ въ наступленіе, но не дождавшись прибытія дивизіи Ламарка и бригады драгуновъ, подходъ которыхъ ожидался ежедневно.

Можетъ быть это рѣшеніе вице-короля и имѣло бы успѣхъ, если бы во время боя онъ не слишкомъ открылъ свой лѣвый флангъ, рассчитывая на подходъ Ламарка. Но, когда вечеромъ, послѣ цѣлаго дня упорнаго боя поирятель началъ усиленно тѣснить этотъ открытый флангъ, а Ламарка все еще не было видно, ему пришлось, скрѣпя сердце, отдать приказаніе объ отступленіи. Первое дѣло, въ которомъ онъ самостоятельно командовалъ, было проиграно! Правда,

ближайшіе его помощники. старые генералы, частенько ворчали, что имъ не слѣдъ быть подчиненными такому молодому начальнику и не всегда усердно его поддерживали.

Горько было вице-королю переносить все это, но, не падая духомъ, онъ принялся исправлять свою ошибку и отступилъ на линію р. Пьяве, рассчитывая здѣсь сосредоточиться; вѣроятно ему удалось бы остановить эрцгерцога Іоанна на этой рѣкѣ; но, въ это время обнаружилась дѣятельность корпуса Шастелера въ Тиролѣ, гдѣ онъ поднялъ народное возстаніе. Если бы это движеніе разрослось, то оно грозило отрѣзать вице-короля отъ его базы, такъ какъ посланная въ Тироль для противодѣйствія дивизія Бараге-д'Илье еще не прибыла къ мѣсту своего назначенія. Вслѣдствіе этихъ соображеній, вице-король вынужденъ былъ отступить еще дальше къ линіи р. Эчъ, на сильную позицію у Кальдеро, оставивъ гарнизоны въ Пальмановѣ и Венеціи.

Бездѣйствіе австрійцевъ, давшихъ послѣ сраженія у Сачиле трехдневный отдыхъ своимъ войскамъ, позволило вице-королю безпрепятственно выполнить свое движеніе и собрать у Кальдеро всѣ наличныя войска.

На 29-е апрѣля было назначено общее наступленіе, причемъ, генераль Бараге-д'Илье долженъ былъ сильной диверсіей въ Тиролѣ привлечь на себя вниманіе главныхъ силъ противника, въ то время какъ вице-король со своей арміей атаквалъ-бы его лѣвый флангъ чтобы отрѣснить его въ горы. Но 28-го апрѣля пришло извѣстіе о побѣдахъ Наполеона въ Германіи и принцъ Евгенийъ, увѣренный что это извѣстіе не преминетъ заставить эрцгерцога Іоанна отступить въ Австрію для защиты Вѣны, отмѣнилъ диверсію въ Тиролѣ, рѣшивъ, энергичной атакой на Монте-Форте угрожать пути отступленія австрійцевъ; дѣло это было успѣшно, и значительно подняло духъ войскъ, а 30-го апрѣля эрцгерцогъ началъ отступать и вице-королю оставалось лишь преслѣдовать его по пятамъ.

При этомъ преслѣдованіи, наиболѣе значительныя дѣла были: форсированная переправа вбродъ черезъ р. Пьяве 8-го мая и взятіе съ боя городка С.-Даніеле.

Здѣсь австрійскія силы раздѣлились: часть пошла на Лайбахъ преслѣдуемая Макдональдомъ, а главныя силы направились вверхъ по долигѣ р. Гальяменто на г. Виллахъ. 17-го мая вице-король взялъ штурмомъ орлиное гнѣздо—фортъ Мальборгетто, господствовавшій надъ дорогой, а вечеромъ того же дня, всю укрѣпленную линію у г. Тарвиса; 18-го мая взялъ фортъ Предель—второе Мальборгетто, а

19-го мая авангардъ итальянской арміи вступилъ въ г. Виллахъ. Въ то же время генераль Макдональдъ осадилъ Лайбахъ и рекогносцировалъ дороги на Марбургъ и Клагенфуртъ, гдѣ онъ долженъ былъ соединиться съ вице-королемъ, а генераль Шильтъ, съ бывшимъ гарнизономъ Пальмаповы, занялъ Триестъ.

Прибывъ въ Клагенфуртъ, принцъ Евгенийъ рѣшилъ предоставить преслѣдованіе арміи эрцгерцога Іоанна, не оказывавшей болѣе серьезнаго сопротивленія и уходившей по дорогѣ на Фолкермарктъ и Марбургъ. особому корпусу подъ начальствомъ генерала Груши, въ то время какъ генераль Макдональдъ изъ Лайбаха долженъ былъ идти на Грацъ. Самъ же вице-король двинулся по долигѣ р. Муръ, чтобы, согласно полученному приказанію, соединиться съ императоромъ. По дорогѣ онъ узнаетъ, что австрійскій корпусъ Елачича, идущій изъ Зальцбурга черезъ Ротенманъ на Леобенъ, еще не прошелъ узла дорогъ у С.-Михоля; усиливъ маршъ, вице-король успѣваетъ достигнуть С.-Михоля ранѣе непріятеля и здѣсь разбиваетъ этотъ свѣжій корпусъ, взявъ 4,000 плѣнныхъ; а на слѣдующій день, 26-го мая, его армія вошла въ связь съ великой арміей Наполеона и первая часть ея задачи была исполнена: въ теченіи мѣсяца она перешла съ береговъ Эча на берега р. Муръ, взявъ болѣе 25,000 плѣнныхъ, 60 орудій и 10 знаменъ.

Изъ главной своей квартиры, перенесенной въ г. Брукъ, вице-король былъ вызванъ къ императору, который лично далъ ему новыя инструкціи. Задачей принцу Евгению оставалось: 1) быть всегда въ состояніи предоставить лучшія свои войска въ распоряженіе императора ко дню подготовляемаго имъ на островѣ Лобау рѣшительнаго сраженія; 2) не допускать соединенія венгерскаго корпуса Бана-Гулая и тирольскаго корпуса Шастелера съ арміей эрцгерцога Іоанна; 3) выяснить намѣренія послѣдняго и, наконецъ, 4) помѣшать ему соединиться съ эрцгерцогомъ Карломъ на Дунаѣ.

Размѣры настоящей статьи не позволяютъ намъ входить въ подробности послѣдующихъ операцій вице-короля. Скажемъ лишь вкратцѣ, что постоянно слѣдуя по пятамъ за эрцгерцогомъ Іоанномъ, ему удалось нагнать его близъ селенія Пана, гдѣ имѣло мѣсто блестящее кавалерійское дѣло; а 14-го іюня, подъ крѣпостью Раабомъ, онъ съ 30,000 челов. окончательно разбилъ австрійцевъ въ числѣ 50,000 и отбросилъ ихъ къ Коморну. Затѣмъ, крѣпость Раабъ была обложена и сдалась на капитуляцію 24-го іюня, послѣ чего Наполеонъ могъ безпрепятственно и незамѣтно стянуть къ себѣ лучшія части итальянской арміи, которыя, за исключеніемъ гарни-

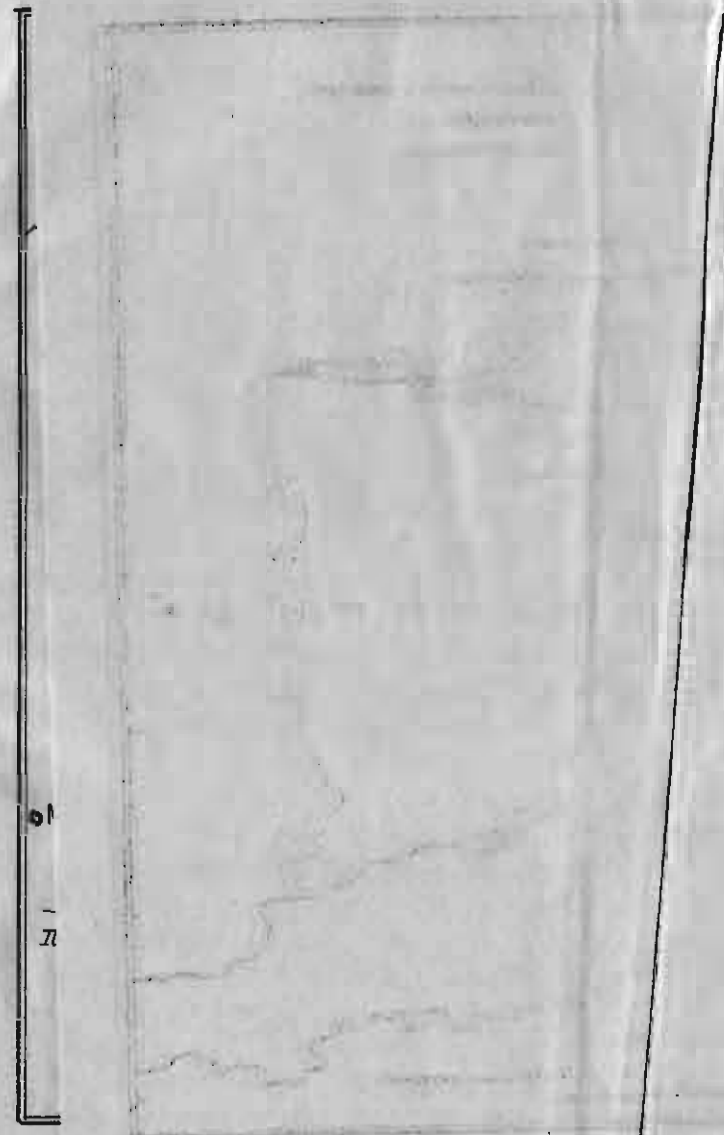
зона Рааба и отряда наблюдававшего Коморитъ, сосредоточились въ Швехатъ къ 4-му юли, чтобы 5-го юли вечеромъ уже принять участие въ бою, составляя центръ всей арміи Наполеона.

На другой день, т. е. 6-го юли 1809 г. разыгралось кровопролитное Ваграмское сраженіе, въ которомъ войска, предводимыя вице-королемъ, вновь составили центръ расположенія французской арміи и покрыли себя славой, отнявъ у австрійцевъ два знамени и восемь орудій. Подробности этого знаменитаго сраженія настолько извѣстны, что мы не станемъ ихъ здѣсь приводить; напомнимъ только, что знаменитая колонна Макдональда, направленная Наполеономъ на деревню Зюссенбруннъ, въ предшествіи грандіозной батареи изъ 100 гвардейскихъ орудій, какъ таранъ, для прорыва австрійскаго центра и сыгравшая въ этотъ день рѣшающую роль, была составлена изъ дивизій Ламарка, Сераса и Брусъ. Вечеромъ, послѣ сраженія, Наполеонъ благодарилъ Евгенія за проявленное имъ мужество и искусство, а ночью 7-го юли, подъѣхавъ къ бивачнымъ огнямъ итальянскихъ войскъ, благодарилъ ихъ, сказавъ: «Вы всѣ молодцы и покрыли себя славой».

Нѣсколько дней спустя было заключено перемиріе, а вице-королю поручено усмиреніе мятежа въ Тироль и умиротвореніе этого края, для чего въ его распоряженіе отданы всѣ оперировавшіе тамъ отряды войскъ, въ томъ числѣ и баварскіе.

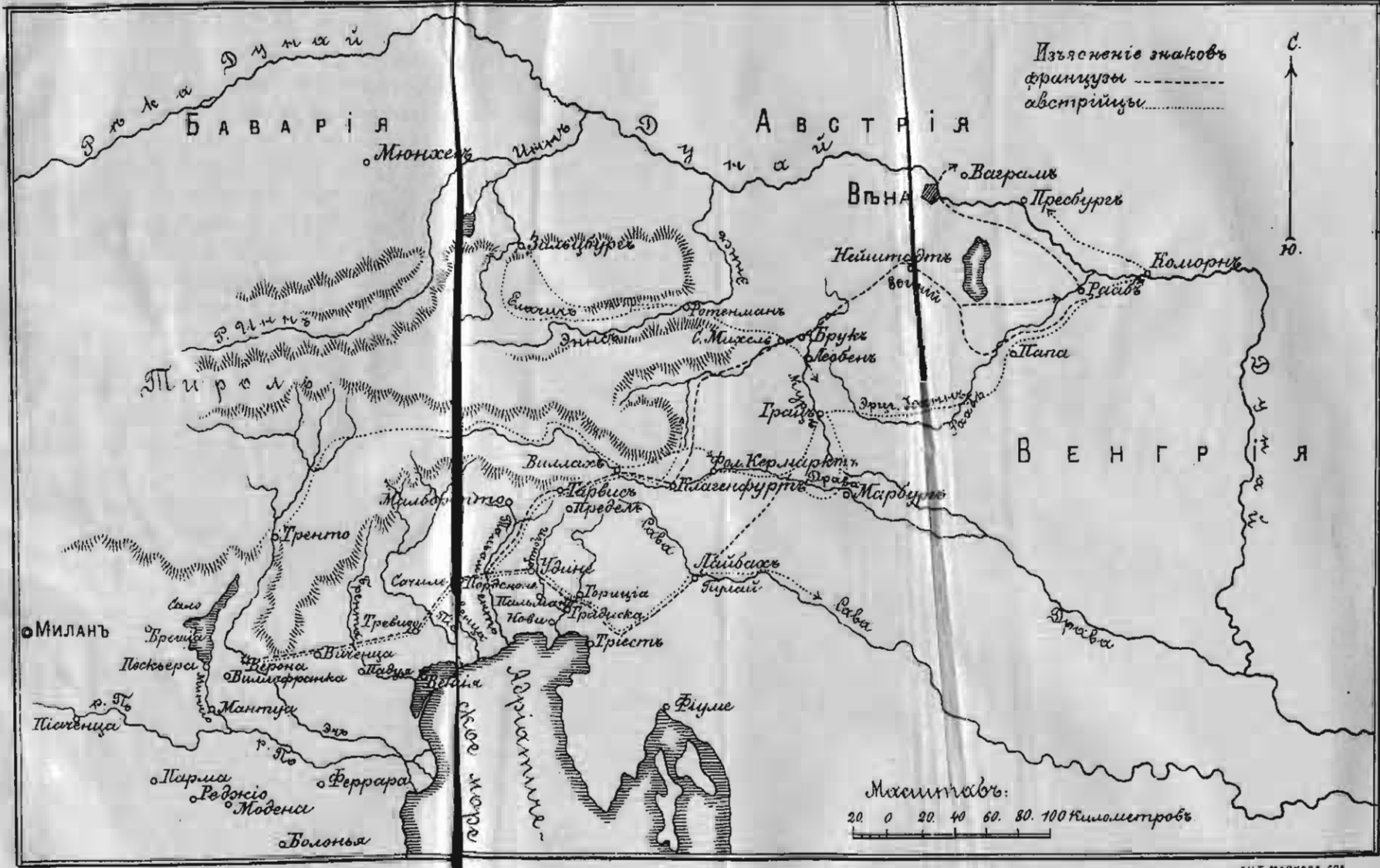
Принцъ Евгений со свойственной ему энергіей приступилъ къ этому новому дѣлу и проявилъ присущую ему гуманность, стараясь успокоить храбрый и симпатичный тирольскій народъ объявленіемъ о заключеніи мира съ Австріей, подписаннаго въ Вѣнѣ 14-го октября и обѣщаніемъ прощенія въ случаѣ добровольнаго подчиненія; но возстаніе, по временамъ угасавшее послѣ подобныхъ прокламацій вице-короля, каждый разъ вспыхивало съ новой силой, пока 27-го января 1810 г., главный вождь тирольцевъ Андрей Гоферъ, не былъ взятъ въ плѣнъ.

Принцъ Евгений хотѣлъ снасти этого народнаго вождя и предложилъ ему отказаться отъ ответственности за прокламацію, вновь подивившую успокоенный было народъ; но честный Гоферъ предпочелъ сыграть роль мученика и не отказался отъ нея, а такъ какъ прокламація эта, послѣ данныхъ ранѣе Гоферомъ обѣщаній подчиниться и болѣе не возбуждать народъ, являлась актомъ измѣны, то императоръ приказалъ судить его военно-полевымъ судомъ въ Мантуѣ и въ 24 часа разстрѣлать. Затѣмъ Тироль былъ переданъ баварскимъ войскамъ и скоро успокоился.

прибылъ въ Миланъ въ концѣ юли.

23-го декабря 1808 г. у вице-короля родилась вторая дочь Гор-

Едва лишь вице-король успѣлъ возвратиться въ Миланъ 14-го ноября 1810 г. и сдѣлать нѣкоторыя распоряженія по внутреннему управленію королевствомъ, въ томъ числѣ и о преобразованіи сената, какъ онъ былъ спѣшно вызванъ Наполеономъ въ Парижъ, безъ объясненія причинъ. Ничего не подозрѣвая, вице-король поскакалъ налегкѣ во Францію и только въ Парижѣ узнать о намѣреніи императора развестись съ императрицей Жозефиной. Извѣстіе это было, конечно, весьма тяжело для Евгенія, какъ вслѣдствіе огорченія, причиняемаго его матери, такъ и вслѣдствіе вѣроятности потери имъ того высокаго положенія, которое онъ занималъ, и неопредѣленности будущей судьбы его и его дѣтей.

Но, всегда честный, прямой и преданный Наполеону, Евгеній понималъ, что разводъ являлся политической необходимостью, такъ какъ для упроченія своей династіи императору было необходимо имѣть прямыхъ наслѣдниковъ, отъ Жозефины же у него дѣтей не было и онъ больше уже не надѣялся имѣть ихъ отъ нея. Поэтому Евгеній уговорилъ Наполеона имѣть, въ его присутствіи, чистосердечное и ясное объясненіе съ императрицей, которая, вся въ слезахъ, заявила, что, разъ дѣло идетъ о благополучіи Франціи, она, скрѣпя сердце, покоряется этой тяжелой необходимости и согласна принести себя въ жертву. «Но, сказала она, когда мы разойдемся, вы, навѣрное, забудете моихъ дѣтей. Сдѣлайте Евгенія королемъ Италіи и моя материнская нѣжность будетъ удовлетворена, а ваша политика, я увѣрена, будетъ въ этомъ случаѣ одобрена всѣми иностранными государствами». Услыхавъ этотъ родъ просьбы своей матери, Евгеній съ живостью обратился къ ней и императору, прося, чтобы о немъ не было рѣчи во всемъ этомъ дѣлѣ. «Я, сказалъ онъ матери, не принялъ бы короны, цѣною которой была бы ваша разлука съ императоромъ. Если вы согласились исполнить его желаніе, то онъ долженъ думать только о васъ». Наполеонъ на это отвѣтилъ: «Я узнаю сердце Евгенія; онъ правъ, полагаясь на мою нѣжность къ нему».

Разводъ былъ вскорѣ официально объявленъ, а вице-король отправился обратно въ Италію и вновь принялся за административную работу, не злобствуя на ударъ судьбы, постигшій его семейство: 20-го марта 1810 г. онъ опять уже былъ съ женой въ Парижѣ для присутствія на бракосочетаніи императора съ эрцгерцогиней австрійской Маріей-Луизой, откуда вскорѣ уѣхалъ и прибылъ въ Миланъ въ концѣ іюля.

23-го декабря 1808 г. у вице-короля родилась вторая дочь Гор-

тези-Евгенія ¹⁾, а 9-го декабря 1810 г. онъ, наконецъ, былъ обрадованъ рожденіемъ сына, нареченнаго Августомъ-Карломъ-Евгениемъ-Наполеономъ ²⁾.

Остальная часть 1810 года прошла для вице-короля тихо. Правительственная машина была устроена и паладилась: оставалось шлифовать подробности и сглаживать нѣкоторыя шероховатости. Но не долго удалось вице-королю спокойно заниматься внутренними дѣлами королевства, начинавшаго уже замѣтно процвѣтать подъ его доброжелательной рукой! На политическомъ горизонтѣ Европы уже въ 1811 г. стали собираться грозныя тучи: Наполеонъ напрягалъ все свои силы, чтобы провести континентальную систему, которою онъ рассчитывалъ уничтожить торговлю Англійи и тѣмъ поколебать ея могущество, а послѣдняя, съ своей стороны, дѣятельно работала надъ организаціей противъ него коалиціи. Наполеонъ предвидѣлъ войну съ Россіей, готовилъ свои силы и стягивалъ войска въ восточной Пруссіи. Королевство италіанское также должно было выставить свой вспомогательный корпусъ, и вице-король старательно занялся его подготовкой. Корпусъ этотъ, вошедшій въ составъ IV корпуса великой арміи, составилъ и подраздѣлялся слѣдующимъ образомъ:

1) Королевская гвардія подъ командой генерала Делла-Виттиаго — 6 батальоновъ, 8 эскадроновъ — 4,500 пех., 1,000 коней.

2) 13-я дивизія (Деллонца) 16 батал. — 12,000 чел.

3) 14-я дивизія (Бруеса) 16 батал. — 12,000 чел.

4) 15-я дивизія (Пино) 16 батал. — 11,800 чел.

5) 4 кавалерійскія бригады — 32 эскадрона — 4,000 коней.

Всего 54 батальона, 40 эскадроновъ — 40,000 пехоты, 5,000 коней.

13-я и 14-я дивизіи состояли изъ французскихъ частей. Все эти войска въ началѣ 1812 г. возможно быстро и секретно перешли Альпы и собрались въ крѣпости Глогау въ Пруссіи, куда вице-король лично прибылъ 11-го мая.

Италія, въ то время, какъ въ Италіи внутреннее управление, финансы, земледѣіе, промышленность быстро развивались, и это молодое государство для своего упроченія нуждалось лишь въ нѣсколькихъ годахъ мира и спокойствія, вышедшихъ его благосостоянія были увлечены по слѣдамъ арміи Западной Европы истребить русскихъ сѣверовъ, поглотившихъ лучшія силы первой имперіи.

¹⁾ Впоследствии вышла замужъ за итальянскаго герцога Габриелло-Дель-Гехинголь.

²⁾ Имя его изъ королевск. португальской Марія-де-Гларія.

III.

Въ составъ IV корпуса великой арміи входили, кромѣ итальянскаго корпуса, еще баварскія войска Сенъ-Сира и конница Груши, такъ что всего подъ командой вице-короля состояло въ началѣ кампаніи около 80.000 человекъ. Здѣсь не мѣсто разсказывать подробно военныя дѣйствія кампаніи 1812 г., которыя, навѣрное, хорошо знакомы нашимъ читателямъ. Поэтому мы лишь вкратцѣ изложимъ операціи IV корпуса.

По переходѣ черезъ Пѣманъ, онъ долженъ былъ служить связующимъ звеномъ между средней колонной Наполеона, шедшей на Вильну, Витебскъ и Смоленскъ и правой колонной Даву, которая должна была воспрепятствовать 2-й русской арміи Багратиона соединиться съ 1-й арміей Барклая; онъ принималъ участіе въ бояхъ 24-го, 25-го и 26-го іюля подъ Островной, 27-го подъ Витебскомъ, и, наконецъ, 7-го сентября, въ день Бородины, на долю вице-короля выпала обязанность составить лѣвое крыло великой арміи и атаковать с. Бородино и курганъ Раевского ¹⁾.

Во время пребыванія французовъ въ Москвѣ, IV корпусъ занималъ передовые посты: несмотря на это, вице-король не удалялся отъ него, а все время заботился о его благосостояніи и организаціи; когда же началось отступленіе, то онъ оказался въ авангардѣ и на своихъ плечахъ вынесъ всю тяжесть боя подъ Малоярославцемъ, гдѣ подъ нимъ была убита лошадь: при Вязьмѣ онъ спасъ корпусъ Даву отъ уничтоженія, своевременно придя ему на помощь.

Не доходя Духовицны, вице-король, не имѣя болѣе запряжекъ, былъ принужденъ побросать часть своихъ орудій въ в. р. Вонь. 16-го ноября, пробившись послѣ нѣлаго дня боя къ Оршѣ, опъ, однако, на слѣдующій же день возвращивается назадъ, слѣшить на выручку корпуса маршала Неи, отрѣзаннаго подъ Краснымъ, и ему удается привести остатки этого корпуса къ императору.

5-го декабря, послѣ переправы черезъ Березину, Наполеонъ покинулъ армію, поручивъ начальствованіе остатками ея королю неаполитанскому, Мюрату, котораго принцъ Евгеній не любилъ и служить подъ начальствомъ котораго ему было крайне тяжело:

¹⁾ Подробности этихъ боевъ наши читатели найдутъ въ послѣдующихъ номерахъ Военнаго Сборника.

однако, сознание долга помогло вице-королю побѣдить въ себѣ чувство неприянія и остаться при арміи, хотя 4-й корпусъ существовалъ лишь на бумагѣ, такъ какъ въ дѣйствительности въ рукахъ вице-короля не оставалось болѣе ни одной устроенной части: тогда онъ часто просто подбиралъ ружье и отстрѣливался отъ казаковъ, какъ послѣдній рядовой.

Такимъ образомъ достигли Вильны, гдѣ немного отдохнули и продолжали отступление на Ковну. Здѣсь было собранъ военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено, между прочимъ, что кадры, составленные изъ остатковъ 4-го и 6-го корпусовъ, отправятся въ крѣпость Мариенвердеръ, которой вице-король и достигъ 26-го декабря. Здѣсь онъ энергично принялся за устройство обломковъ своего корпуса: по подсчету оказалось, что отъ 40 тысячъ хорошихъ солдатъ, перешедшихъ Пѣманъ полгода назадъ, на лицо оставалось лишь двѣ тысячи несчастныхъ, полумертвыхъ отъ холода, лишений и болѣзней, изъ которыхъ многіе не были въ состояніи поднять ружья.

Здѣсь же онъ вскорѣ получилъ отъ Мюрата приказаніе отходить на Познань, куда и прибылъ 17-го января 1813 г., несколько не ожидая готовившагося ему сюрприза. Оказалось, что Мюратъ, не проявившій въ отвѣтственномъ командованіи вѣрными ему войсками того старанія и той преданности, которыхъ императоръ былъ бы вправѣ отъ него ожидать, никакъ не могъ привыкнуть къ мысли быть вдали отъ своего королевства въ такое время, когда тамъ могли возникнуть серьезные безпорядки, и вслѣдствіе этого относился къ дѣламъ арміи небрежно. Наконецъ 17-го января онъ объявилъ, что уѣзжаетъ и сдаетъ начальство арміею принцу Евгенію; удивленіе и порицаніе были единодушны. Вице-король отказался принять командованіе арміею не потому, что она нуждалась въ рукѣ умной, твердой и доброжелательной, а потому, что не хотѣлъ принять этого командованія изъ рукъ короля неаполитанскаго, котораго онъ не любилъ и за которымъ онъ не признавалъ никакого права передавать ему армію безъ приказанія императора. Вслѣдствіе всего этого, онъ предоставляетъ Мюрату, уѣхавшему 17-го января, бросить армію, но въ тотъ же день временно принимаетъ начальство надъ ней, какъ единственный замѣститель императора, при ней состоящій; поведеніе его въ этомъ случаѣ вполне объясняется слѣдующими письмами, изъ которыхъ одно написано его женой, а другое Наполеону: оба помѣчены 4-мъ января изъ Познани.

«Дорогая Августа, тороплюсь отправить къ тебѣ Провари¹⁾, который сообщитъ тебѣ невѣроятную новость: по отъѣздѣ моемъ изъ Мариенвердера, король написалъ мнѣ, чтобы я пріѣхалъ къ нему на почтовыхъ въ Познань. Прибывъ туда, я тотчасъ узналъ, что онъ собирается бросить армію. Онъ боленъ и не желаетъ болѣе командовать: онъ уѣзжаетъ, не дождавшись даже никакого распоряженія императора. Онъ хотѣлъ передать мнѣ командованіе арміею, но я не хотѣлъ принимать его изъ его рукъ: онъ настоялъ на своемъ отъѣздѣ и я временно принялъ начальство, какъ это ни тяжело, чтобы еще разъ доказать мою преданность императору. Все дѣла здѣсь оставлены въ большомъ безпорядкѣ и я увѣрю тебя, моя добрая Августа, что мнѣ предстоитъ ужасный трудъ: я не смѣю надѣяться окончить его со славою, но, по крайней мѣрѣ, буду имѣть твердость его предпринять и, конечно, уже не бросить.

Прощай дорогая Августа: болѣе всего меня печалитъ то, что я уже не буду имѣть возможности писать тебѣ такъ часто, за неимѣніемъ времени».

«Ваше величество, имѣю честь донести вашему величеству, что король уѣхалъ окончательно сегодня, въ 4 часа утра.

«Вчера князь пфальцбергскій и я всѣми силами старались его уговорить остаться, но безуспѣшно. Такъ какъ здѣсь нѣтъ на лицо ни одного маршала имперіи и я, такимъ образомъ, оказываюсь единственнымъ замѣстителемъ вашего величества, то я вступилъ во временное командованіе арміею, пока вашему величеству не будетъ угодно назначить главнокомандующаго. Я еще не могу дать вашему величеству никакихъ свѣдѣній. Сегодня я провелъ весь день за чтеніемъ ранѣ отданныхъ приказаній и распоряженій, чтобы проникнуться духомъ всѣхъ инструкцій, данныхъ вашимъ величествомъ начальнику штаба арміи. Я вовсе не обрадованъ этой моей первой работой: съ отъѣзда вашего величества замѣтно значительное отсутствіе единства въ операціяхъ, что повлекло за собой огромныя потери въ людяхъ и пещахъ.

«Король перенесъ свою главную квартиру въ Познань, куда онъ пріѣхалъ на почтовыхъ и куда, кромѣ начальника штаба, никто изъ начальниковъ отдѣловъ еще не пріѣхалъ. Я предписалъ графу Дарю немедленно заняться заготовленіемъ продовольствія для крѣпостей по Одру, на случай осады ихъ и устройствомъ двухъ магазиновъ для арміи въ Глогау и Кюстрингъ: ожидаю прибытія начальника

¹⁾ Офицеръ изъ его эскадроновъ.

инженеровъ, чтобы назначить въ эти крѣпости необходимое число офицеровъ этого рода оружія. Съ тѣхъ поръ, какъ мы бросили оборонительную линію Вислы, положеніе варшавскаго герцогства становится довольно затруднительнымъ. Постараюсь собрать здѣсь нѣсколько тысячъ человѣкъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, открыть сообщенія Одера съ Варшавой. Во всякое другое время года линія рѣки Нетце была бы прекрасна для прикрытія нашего лѣваго фланга. Все, что я могу сдѣлать, это остаться здѣсь съ нѣсколькими тысячами человѣкъ, пока не узнаю, что непріятель перешелъ Вислу въ большихъ массахъ; но я думаю, что онъ займется столицей великаго герцогства. Вѣроятно онъ постарается обойти Шварценберга справа и слева. Я очень жалѣю, что не имѣю 20,000 свободныхъ войскъ, такъ какъ увѣренъ, что если бы мы могли усилить этимъ количествомъ наше правое крыло и сосредоточиться вокругъ Варшавы, то непріятель отложилъ бы попытку предпринять съ этой стороны что-либо серьезное до слѣдующей кампаніи; къ сожалѣнію, въ настоящее время въ моихъ рукахъ не существуетъ никакой организованной части.

«Я сосредоточилъ здѣсь всѣ польскіе пѣхотные и кавалерійскіе полки, состоящіе на жалованіи Франціи, Баварии, которые были въ Плонѣ и служащіе поддержкой лѣвому крылу князя Шварценберга, уже получили приказаніе двинуться сюда: я не одобряю этого движенія, такъ какъ считаю ихъ болѣе полезными для поддержки австрійцевъ, но такъ какъ ихъ движеніе уже почти исполнено, то я ограничился тѣмъ, что остановилъ ихъ въ двухъ переходахъ отсюда. Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаю какихъ-нибудь директивъ отъ вашего величества: вамъ извѣстно, какъ я всегда въ нихъ нуждаюсь и, въ настоящую минуту, я это чувствую болѣе тѣмъ когда-либо.

«Въ случаѣ, если князь Шварценбергъ будетъ оттѣсненъ со своей позиціи впереди Варшавы, долженъ ли я предложить ему остаться въ составѣ великой арміи и отойти за Одеръ? или я долженъ предоставить ему отступить въ Галицію, что онъ вѣроятно постарается исполнить? Въ случаѣ—къ сожалѣнію, болѣе тѣмъ вѣроятномъ—что непріятель заставитъ насъ занять линію Одера, долженъ ли я опираться болѣе на Кюстринь, чѣмъ на Глогау? Мнѣ удобнѣе достичь послѣдней крѣпости изъ Познани или Варшавы, за то первая дастъ мнѣ преимущество тотчасъ же войти въ связь съ войсками, которые собираются въ Берлинѣ».

Итакъ, къ 1-му января 1813 г., остатки великой арміи Напо-

леона—30,000 едва годныхъ къ службѣ солдатъ, были разбросаны отъ Тильзита и Берлина до Варшавы и Остроленки (Австрійскій корпусъ Шварценберга). Въ штабѣ вице-короля начинается лихорадочная дѣятельность, благодаря которой, изъ обломковъ первыхъ пяти корпусовъ, отведенныхъ къ 17-му января за Вислу, формируется небольшая дивизія тысячъ въ одиннадцать.

Съ этими силами вице-король долженъ возможно дольше задерживать наступленіе русскихъ войскъ, чтобы дать время императору въ Парижѣ создать новую армію: отсюда къ нему летятъ инструкціи и приказанія о сосредоточеніи и распредѣленіи силъ, составленіи новыхъ частей изъ старыхъ кадровъ, сборѣ продовольствія и всякихъ запасовъ въ различныхъ крѣпостяхъ Германіи: вмѣстѣ съ тѣмъ, ему даются указанія какъ задерживать противника, причемъ, однако, императоръ предоставляет вице-королю нѣкоторую самостоятельность: и дѣйствительно она необходима! Императоръ въ Парижѣ считаетъ за непріятели одну лишь русскую армію, а вице-король, болѣе близкій къ мѣсту дѣйствій, видитъ и понимаетъ, что и на австрійцевъ и на пруссаковъ надежда плоха, что они воспользуются первымъ же случаемъ, чтобы отказаться его поддержать, если не стать врагами. Последующія событія показали, что принцъ Евгенийъ былъ правъ. Неоднократно онъ жалуется императору на Шварценберга, что тотъ стремится уйти въ Галицію, чѣмъ откроетъ правый флангъ арміи. Вълѣдствіе этого, когда въ концѣ января русская армія рѣшительно тронулась впередъ, онъ рѣшается оставить линію р. Варты и начать отступленіе черезъ Франкфуртъ на Одеръ, на Берлинъ. Наконецъ, въ срединѣ февраля изъ Италіи подошелъ свѣжій корпусъ генерала Гренье въ 18,000 пѣхоты и 1,000 коней; послѣдніе были съ особеннымъ удовольствіемъ приняты вице-королемъ, такъ какъ почти полное отсутствіе у него конницы лишало его возможности получать точныя свѣдѣнія о непріятелѣ и съ другой стороны давало полный просторъ для дѣйствій легкой конницы русскихъ, въ особенности казаковъ.

Такимъ образомъ, непосредственно въ рукахъ вице-короля находилось 28,000; главная квартира была въ Берлинѣ, Баварская дивизія—въ Кроссенѣ и дивизія Жерара—въ Франкфуртѣ; кромѣ того, подъ начальствомъ его номинально состояли: справа—австрійцы Шварценберга и поляки Понятовскаго, сообщившіе въ Галицію и потому безполезные, и саксонцы генерала Ренье въ крѣпости Глогау; слева—вестфальцы въ крѣпости Кюстринь и гарнизоны Штетина и Дашинга, блокированныхъ русскими войсками.

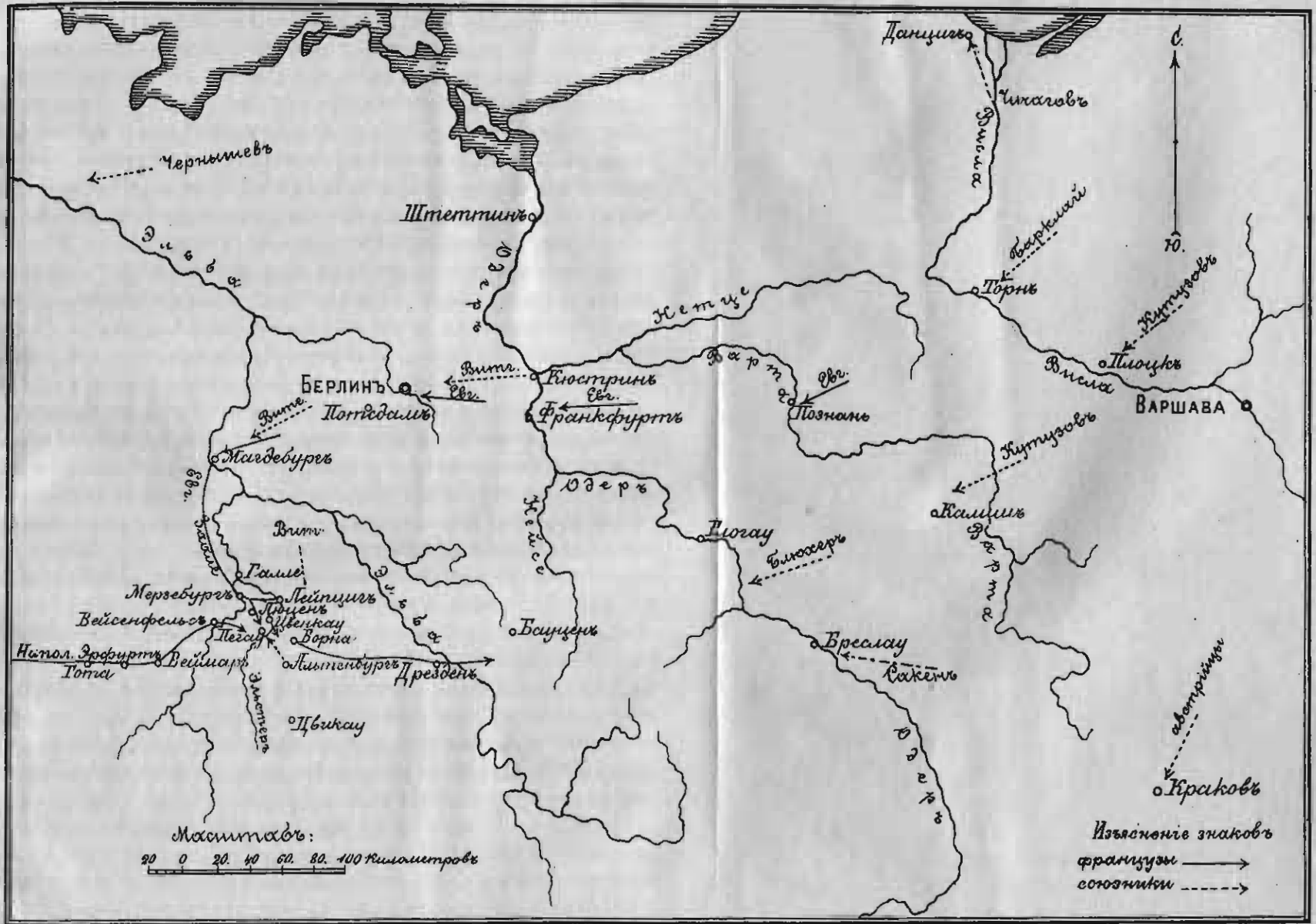
Когда послѣднія начали появляться на лѣвомъ берегу Одера, вице-король отступилъ дальше на линію р. Эльбы и сосредоточился во-кругъ Магдебурга.

Когда, въ срединѣ марта, Пруссія присоединила свои войска къ русскимъ, то положеніе послѣднихъ было слѣдующее: Витгенштейнъ передъ Магдебургомъ—17,000; Чернышевъ и другіе на низовьяхъ Эльбы—10,000; авангардъ Винценгероде противъ Дрездена—13,000; главныя силы арміи Императора Александра на Одерѣ—40,000; южная армія на пути отъ Вислы къ Одеру—50,000 пѣхоты и 25,000 коней. Прусскіе корпуса передъ Штетиномъ, Глогау и Шпандау—20,000, а всего у союзниковъ было 175,000.

Вице-король могъ противопоставить имъ 53,800 человекъ, изъ нихъ 2,800 конницы; къ счастью для него, скоро должна была подойти новая армія императора и онъ самъ принять начальство надъ всѣми войсками.

Мы не станемъ здѣсь рассказывать подробно всѣ марши и контръ-марши, маневры и мелкія дѣла и стычки арміи вице-короля за это время; въ общихъ чертахъ, искусный планъ его заключался въ томъ, чтобы, сосредоточивъ свои силы за Эльбой и Заалой въ пространствѣ между Бернбургомъ и Куедлинбургомъ, угрожать съ одной стороны флангу русской арміи, шедшей изъ Дрездена на Лейпцигъ, а съ другой стороны, пропуская мимо себя отряды идущіе на соединеніе съ сѣвера, угрожать разбить ихъ по частямъ. И дѣйствительно, планъ этотъ достигъ цѣли настолько, что, когда 28-го апрѣля, Наполеонъ, собравшій свою новую великую армію между Эрфуртомъ и Готой, извѣстилъ вице-короля о своемъ намѣреніи двинуться на Лейпцигъ, сосредоточиваясь между этимъ городомъ и р. Заалой, то послѣдній могъ тотчасъ же со всѣми силами двинуться къ нему на соединеніе. Предварительно разрушивъ непріятельскіе тетъ-депоны въ Веттинѣ и Галле, онъ переправился черезъ р. Заалу въ Мерзебургъ и 30-го апрѣля вошелъ въ связь съ императоромъ близъ Вейсенфельса.

Русская армія, поступившая послѣ смерти Кутузова въ Бунцлау подъ общее начальство Витгенштейна, стояла въ Цвенкау, южнѣе Лейпцига; Блюхеръ былъ во второй линіи у м. Борна; Милорадовичъ съ 12,000 чел. (преимущественно конницы) въ Альтенбургѣ. При подобныхъ обстоятельствахъ генеральное сраженіе становилось неминуемымъ и Наполеонъ рѣшилъ воспользоваться своимъ соединеніемъ съ вице-королемъ, чтобы продвинуться до переправъ черезъ р. Эльстеръ, для чего приказалъ ему двигаться изъ Мерзебурга

Масштабъ:
 0 20 40 60 80 100 километровъ

Изъясненіе знаковъ
 французи —————>
 союзники - - - - ->

на Лейпцигъ, куда самъ направился изъ Вейсенфельса черезъ Люценъ.

1-го мая Наполеонъ переправился у Вейсенфельса и, отбросивъ корпусъ Винценгероде, пошелъ къ Лейпцигу; въ то же время туда тронулся вице-король, имѣя передъ собою прусскій корпусъ Клейста; но по дорогѣ онъ услыхалъ сильнѣйшую канонаду на югѣ (это шель бой императора съ Винценгероде у Гросъ-Горшена) и, предполагая, что тамъ можетъ быть разыгрывается генеральное сраженіе, свернулъ съ дороги и пошелъ на выстрѣлы, предоставивъ преслѣдованіе Клейста одной дивизіи. Императоръ, армія котораго бивакировала восточнѣе Люцена, вполне одобрилъ это цѣлесообразное движеніе вице-короля, приказавъ ему на другой день продолжать наступленіе на Лейпцигъ, составляя авангардъ всей арміи; но, когда онъ подходилъ къ городу и корпусъ Лористона уже велъ бой въ его предмѣстьяхъ, онъ вдругъ получаетъ приказаніе вернуться обратно и спѣшить на помощь къ великой арміи. Дѣло было въ томъ, что русскія войска, сосредоточенныя въ Цвенкау и Пегау, перешли р. Эльстеръ и энергично атаковали французскую армію во флангъ во время ея движенія на Лейпцигъ; Наполеонъ рисковалъ быть разбитымъ по частямъ; уже нѣсколько деревень были въ рукахъ русскихъ, уже всѣ почти его резервы были введены въ дѣло, а у непріятеля они были нетронуты; но, наконецъ, съ сѣвера раздались орудійные выстрѣлы: то на вырчку спѣшилъ вице-король. Совершенно правильно рѣшивъ, что угроза пути, отступленія русскихъ — мосты черезъ Эльстеръ — окажетъ самое дѣйствительное вліяніе на ходъ боя, онъ беретъ кратчайшее направленіе вдоль рѣки и энергично атакуетъ русскій правый флангъ; маневръ этотъ оказывается вполне вѣрнымъ: рискуя потерять свой путь отступленія, Витгенштейнъ принужденъ приостановиться, а вскорѣ и отойти назадъ. Русская армія бивакировала впереди переправъ, но на слѣдующее утро начала отступать на востокъ, такъ какъ вице-король, переправившись ночью черезъ рѣку Эльстеръ въ Цвенкау, грозилъ зайти ей въ тылъ.

Съ этого момента корпусъ вице-короля находился все время въ авангардѣ и, въ непрерывномъ бою, дошелъ 8-го мая до Дрездена.

Въ заключеніе мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь отрывокъ изъ сочиненія А. Дю-Касса, біографа вице-короля: «Просмотримъ еще разъ вкратцѣ поведеніе вице-короля въ теченіе этой несчастной кампаніи 1812 г., услуги, оказанныя имъ арміи, Франціи и императору, новыя права на славу, имъ приобретенныя.

Принцъ Евгеній, не питая злобы противъ императора за недавній разводъ съ его матерью, не имѣя иного честолюбія, какъ быть полезнымъ Наполеону, насколько его пріемный отецъ найдетъ это нужнымъ, ни другого желанія какъ только спокойно проводить жизнь среди своей семьи, въ странѣ, любящей его за его достоинства и уважающей его за добродѣтели — принцъ Евгеній, будучи прежде всего человѣкомъ долга, предается уже съ конца 1811 г. заботамъ объ организаціи своей арміи въ виду предстоящей кампаніи. Въ началѣ 1812 г. все готово: 40,000 хорошихъ солдатъ, сформированныхъ его трудами, перейдутъ Альпы; другія 40,000 обезпечать, въ отсутствіи первыхъ, внутреннее спокойствіе въ королевствѣ итальянскомъ. Въ мартѣ онъ получаетъ приказаніе прибыть въ Парижъ для полученія инструкцій: онъ разстается со своими, покидаетъ тихую и счастливую жизнь, не подавъ и признака сожалѣнія. Въ немъ уже улеглись мечты объ исключительной славѣ, волновавшія его въ молодости. Чувство чести, долга, благодарности къ тому, который былъ его покровителемъ и котораго онъ еще считаетъ таковымъ, несмотря на неумолимыя требованія полтики, заставляютъ его покинуть все, что ему дорого на свѣтѣ. Онъ уѣзжаетъ. Блестящая будущность, перспектива трона въ Польшѣ, не соблазняютъ его, хотя онъ и чувствуетъ, что другая корона, на полученіе которой онъ имѣлъ бы право надѣяться, ускользаетъ отъ него. Цѣлкомъ преданный своему долгу, какъ воинъ и начальникъ, онъ ведетъ съ большимъ тактомъ, замѣчательнымъ знаніемъ военнаго дѣла, неумолимой заботливостью, тѣ 80,000 чел., которые ему ввѣрены и которые его обожаютъ.

Во главѣ ихъ онъ переходитъ Нѣманъ, старается своей дѣятельностью и энергіей выполнить данное ему порученіе. Заглушая въ себѣ нерасположеніе къ королю неаполитанскому, онъ съ искусствомъ и счастьемъ поддерживаетъ его всѣми своими силами въ трехдневныхъ бояхъ, данныхъ Мюратомъ подъ Островной. При Бородинѣ онъ принимаетъ широкое участіе въ этомъ бою гигантовъ, беретъ курганъ Раевского, маневрируетъ съ талантомъ отличнаго военачальника и значительно содѣйствуетъ окончательному успѣху. Въ Москвѣ его корпусъ, реорганизованный трудами его, находится на передовыхъ постахъ — онъ никогда не теряетъ его изъ вида. Начинается отступленіе — онъ въ авангардѣ. Наполеонъ хочетъ прорваться черезъ Малоярославецъ; Евгеній знаетъ какую важность императоръ придаетъ этому городку: онъ занимаетъ его, и съ 18-ю или 20-ю тысячами держится цѣлый день противъ всей арміи Ку-

тузова въ 80,000. Нѣсколькими днями позже, подъ Вязьмой, онъ содѣйствуетъ благополучному отступленію Даву своими умѣлыми распоряженіями и личной храбростью; отрѣзанный при Красномъ съ 6,000 ослабленныхъ болѣзнями солдатъ, онъ держится цѣлый день, затѣмъ ускользаетъ отъ русскихъ, которымъ отказался сдаться и, благодаря искусному движенію, нагоняетъ императора въ Оршѣ: здѣсь онъ летитъ на выручку маршала Нея, несмотря на очевидную, для него и слабыхъ остатковъ 4-го корпуса, опасность встрѣчи съ непріателемъ. Въ Сморгони онъ узнаетъ объ отъѣздѣ Наполеона: онъ удрученъ оставаться подъ начальствомъ короля Неаполитанскаго: однако, онъ подчиняется ему, слѣдуя голосу долга и чести. Съ ружьемъ въ рукахъ, какъ простой солдатъ, онъ дерется подъ Вильной, чтобы отстоять нѣсколькихъ несчастныхъ отъ русскихъ, хотя ему лично, не имѣя командованія, т. е. войска, легко было бы достигъ Ковны съ королемъ Неаполитанскимъ. Не разставаясь ни на минуту съ злополучными остатками своего 4-го корпуса, онъ продолжаетъ ужасное отступленіе до Маріенвердера, строго и безпрекословно исполняя всѣ приказанія нелюбимаго имъ начальника. Наконецъ, въ Познани онъ отказывается отъ командованія арміей, поручить которое ему онъ признаетъ только императора вправѣ, но принимаетъ его въ тотъ же день, несмотря на всѣ сопряженные съ нимъ трудныя обязанности и несмотря на то, что это его задерживаетъ въ Германіи: принимаетъ потому, что законы военной іерархіи и дисциплина указываютъ на него какъ на естественнаго главу арміи. Армія эта, еще существовавшая въ Сморгони — въ Познани уже ничто: она будетъ принуждена отступить передъ превосходными силами противника: союзники ее покидаютъ; необходимо ее реорганизовать, вооружить, спасти отъ полного разложенія, поднять ея духъ, всячески поддержать ее до подхода подкрѣпленій. Евгеній измѣряетъ эту почетную, но трудную задачу; этотъ новый долгъ преданности, оказавшійся не по плечу шурину Наполеона, блестящему Мюрату; онъ чувствуетъ въ себѣ достаточно храбрости и энергіи, чтобы его исполнить. Впрочемъ, повторяемъ, это долгъ, а для Евгенія въ этомъ словѣ все.

Таковъ человѣкъ, для котораго въ 14-мъ томѣ своего чуднаго труда, великій историкъ консульства и имперіи не нашель ни единого слова, вылившагося отъ сердца! Тѣрь, въ этомъ блестящемъ повѣствованіи 1812 года, по заслугамъ хвалить всѣхъ вообще и справедливъ въ отдѣльности къ каждому изъ сподвижниковъ императора; относительно же Евгенія онъ строго холоденъ. Онъ забываетъ его

сколько можетъ, говорить объ немъ лишь тогда, когда нельзя иначе сдѣлать, какъ упомянуть его имя: если онъ и присовокупляетъ къ этому имени сколько-нибудь одобрительный эпитетъ, то тотчасъ же, какъ будто сожалѣя, что этотъ эпитетъ сорвался съ его пера, онъ помѣщаетъ рядомъ другой, уничтожающій первый и дѣлающій его почти обиднымъ.

Наконецъ, рассказывая о назначеніи Мюратомъ принца Евгенія на свое мѣсто, онъ доходитъ до того, что говоритъ: «принцъ Евгенийъ, испуганный этой чѣстью, *по скромности и лѣни*, былъ, однако, единственнымъ, котораго можно было выбрать». Не есть ли это прямой отказъ въ правосудіи? Мы объяснили съ доказательствами въ рукахъ, почему и какъ принцъ Евгенийъ отказался принять изъ рукъ Мюрата командованіе арміей, въ которое вступилъ самъ въ тотъ же день, но отъѣздъ короля неаполитанскаго. Голосъ народа, болѣе справедливый, чѣмъ историкъ имперіи, не ошибся насчетъ принца Евгенія. Во Франціи, несмотря на живое увѣреніе одного труда, осужденнаго общественнымъ мнѣніемъ, Евгенийъ остался для массъ прообразомъ доблестнаго солдата, способнаго генерала, добродѣтельнаго государя, чловѣка честнаго въ полномъ смыслѣ этого слова: жизнь его ничѣмъ не занятая.

На укоръ въ лѣни, который Тьеръ бросаетъ въ вице-короля по поводу его отказа принять командованіе арміей, лучшимъ отвѣтомъ служить слѣдующее письмо императора къ Евгению изъ Фонтенебло, отъ 10-го (22-го) января 1813 года.

Великій полководецъ нѣсколькими словами очищаетъ принца Евгенія отъ неслышныхъ намековъ великаго историка: «мой сынъ, вступите въ командованіе великой арміей; *я жалью, что не оставилъ его вамъ при моемъ отъѣздѣ; я увѣренъ, что вы отступали бы медленно и что я тогда не потерпѣлъ бы такихъ огромныхъ потерь.*

Прошлое зло не поправимо.

Вы будете писать мнѣ каждый день и подробно. Какъ только вы будете въ состояніи обойтись безъ начальника штаба—пришлите его мнѣ. Пришлите также графа Дарю, если генераль Дюма въ состояніи его замѣнить».

Итакъ, трудная задача, выпавшая на долю вице-короля, была исполнена: съ десяткомъ тысячъ разстроенныхъ солдатъ онъ съумѣлъ сначала удерживать русскія войска, засмъ произвести съ большимъ искусствомъ отступленіе передъ превосходнымъ въ силахъ противникомъ, уступая землю лишь шагъ за шагомъ. Въ теченія тѣхъ же

пяти мѣсяцевъ постоянныхъ маршей и боевъ, онъ успѣваетъ составить порядочную армію и приводитъ императору около 70,000 челов. Наконецъ, онъ принимаетъ рѣшающее участіе въ дѣль Липецкаго сраженія и завершаетъ свою боевую дѣятельность въ этотъ періодъ военныхъ дѣйствій, войдя первымъ въ Дрезденъ, послѣ семи дней непрерывнаго авангарднаго боя. Теперь ему предстояло возвратиться въ Италію и служить тамъ Франціи и своему пріемному отцу съ тѣмъ рвеніемъ, преданностью и способностью, которыя онъ всегда проявлялъ въ исполненіи своего долга.

Король Людовикъ Голландскій, братъ Наполеона, въ своей книгѣ о Голландіи, между прочимъ, говоритъ: «остатки великой арміи проявляли чудеса храбрости подъ начальствомъ вице-короля, который можетъ похвастаться, что ему пришлось выполнить самую отвѣтственную и самую трудную задачу, и что онъ рѣшилъ ее съ осторожностью и славой, равно какъ и со счастьемъ».

Въ самый день занятія Дрездена, императоръ приказалъ вице-королю отправляться въ Италію и тамъ организовать армію. Дѣйствительно, подозрительное поведеніе Австріи въ 1812 году и ея роль въ то время, давали поводъ думать, что если она сама еще не вступила въ ряды союзниковъ, то не постѣснится сдѣлать это при первой же неудачѣ французской арміи; а въ этомъ случаѣ Италія, обнаженная отъ войскъ, была слишкомъ лакомымъ кускомъ, чтобы имъ не поживиться. Вице-король, выказавшій въ 1809 году и особенно въ началѣ 1813 года педюжинное военное дарованіе, вполне заслуживалъ довѣріе императора, который не долго думая отсылалъ его въ Италію: онъ зналъ, что Евгенийъ не только защититъ ее, но съумѣетъ также, въ случаѣ надобности, произвести противъ Австріи полезную диверсію.

Проѣздомъ, вице-король прибылъ въ Мюнхенъ, гдѣ австрійская партія дѣятельно работала вокругъ короля Максимилиана чтобы уговорить его измѣнить Наполеону. Имя и репутація принца Евгенія на время остановили вліяніе этой партіи, а вскорѣ извѣстія о побѣдѣ императора при Бауценѣ и объ отступленіи союзныхъ войскъ на Одеръ заставили вовсе умолкнуть враговъ Франціи, и Баварія осталась союзницей Наполеона еще на нѣсколько лишнихъ мѣсяцевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ф. Л.